

ПУТИ РИМСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ПОНТ И МЕЗИЯ¹

Проф. В. Н. Дьяков

Оккупировав Таврику, Рим не только подчинил ее своей власти, но и полностью ликвидировал как ее древнее население, так и ее старинную культуру, создав вместо нее на южном берегу Крыма очень своеобразный римско-эллинический культурный очаг.

Продвижение Рима к северным берегам Понта и в Крым происходило двумя путями, которые долгое время шли совершенно раздельно и подчинялись двум совершенно различным тенденциям римской политики.

Первый шел через Малую Азию и стоял в тесной связи со стремлением Рима втянуть в сферу своего господства все эллинистические царства Востока. Он связан в особенности с борьбой Рима против Митридата Понтийского («последнего из всех самостоятельных царей, кроме парфянских», по выражению Веллея Патеркула²) и его преемников, которые, отступая перед Римом, перенесли свою резиденцию в Пантикапей. Так это общее настойчивое продвижение Рима на культурный Восток, в сторону Месопотамии и Персидского залива, получило некоторое ответвление и на север, в сторону Боспора и побережья Меотиды, где сохранялись последние самостоятельные остатки некогда могущественного и враждебного Риму Понтийского царства.

Другой путь связан с систематическим продвижением Рима вдоль Дуная в сторону северного германо-сарматского варварского мира. Оно закончилось созданием против него той системы пограничных сооружений (*limes romanus*) по Рейну и Дунаю, которая должна была служить мощной плотиной против наплыва этого варварского мира на культурные области рабовладельческого Средиземноморья, объединенные в великую Римскую державу. Здесь Рим ставил себе совсем иные задачи и применял совсем иные методы борьбы. Когда в этом продвижении Рим через провинцию Мезию вышел к западным и северным берегам Понта и встретил здесь свободные эллинистические города-государства—Истрию, Тиру, Ольвию, Херсонес, лежавшие на границах этого варварского мира, то он старался не столько их подчинить, так как они и сами всемерно тянулись под его защиту и покровительство, сколько использовать их развитую автономию и общественность в качестве опорных пунктов своей пограничной зоны, в качестве союзников в борьбе с общей опасностью со стороны варваров. Так Рим постепенно и с запада продвинулся до Таврики, и ко второй половине I в. н. э. на южном побережье Крыма сомкнулись оба

¹ См. статью, напечатанную в ВДИ, 1939, № 3 (8).

² Vell. Paterc., Hist. Rom., II, 40, 1.

эти пути, сохраняя, однако, и в дальнейшем своеобразие своих тенденций, так что можно с точностью установить места их соприкосновения и стыка.

Этот второй путь римского продвижения в Крым—через Мезию—до сих пор почти не был затронут исследователями и мало освещен в исторической науке, хотя его значение следует признать никак не меньшим первого. Поэтому на него и будет обращено особое внимание в этой главе. Однако предварительно необходимо несколько остановиться и на первом направлении, так как вопрос о боспорско-римских отношениях хотя и привлекал внимание ряда исследователей общей истории Понта и Боспора (как Т. Рейнак, Эд. Мейер, Э. Миниз, М. Эберт, В. Латышев, М. Ростовцев и др.)¹, но никогда еще не трактовался как самостоятельная проблема, и потому не вполне выявлены некоторые специфические моменты.

В III в. до н. э., в связи с общим упадком материковой Греции и особенно Афин, города Северного Черноморья и Крыма, до тех пор экономически и в культурном отношении тяготевшие к ней, меняют свою ориентацию. Они вступают теперь во все более и более тесное общение с островами и городами Малой Азии. Главным торговым агентом всего Северного Причерноморья в III в. и до половины II в. становится остров Родос; из городов Малой Азии устанавливаются особенно тесные связи с городами Понтийского царства и с Синопой. Об этом говорят и надписи и обильные остатки синопской глиняной тары (особенно амфор) в культурных слоях греческих городов северного берега Черного моря². В прямой связи с этим стоит и договор 179 года о дружбе и взаимной помощи, заключенный между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком I (190—169 гг. до н. э.)³. Нужно думать, что постоянное общение было в это время у Северного Черноморья также с Вифинией (Гераклеей) и Пергамом.

Однако, вскрывая тесные взаимоотношения, которые в то время существовали между северным и южным берегами Понта и служили предпосылкой к дальнейшему объединению их в одно великое Всепонтийское царство, что и произойдет позднее, в эпоху Митридата VI Евпатора, договор Херсонеса с Фарнаком является и первым известием о зарождающихся взаимоотношениях между Северным Причерноморьем и Римом. Так как Родос и Понт принадлежали в это время (вместе с Пергамом) к антимакедонской коалиции и были союзниками Рима в его борьбе с Македонией, то и договор Понта с Херсонесом содержит в себе своеобразные условия: он будет действителен до той поры, «пока (договаривающиеся стороны) будут соблюдать дружбу с римлянами и ничего не предпримут против них». Так как Херсонес, равно как и другие греческие города Северного Причерноморья в первой половине II в., вряд ли уже имел какие-либо непосредственные сношения с Римом, то можно утверждать, что этот договор 179 года является первым фактом в истории взаимоотношений крымских городов с римлянами. Вместе с тем здесь можно вскрыть и первые следы появления в них, под влиянием дружественной в это время политики по отношению к Риму малоазиатских городов и государств, первых эмбрионов проримской партии.

В начале I в. до н. э. это отношение греческих городов Северного Причерноморья к Риму значительно осложняется. Босфор и Херсонес в связи с нажимом на них скифов и сарматов входят в еще более тесный контакт с Понтийским царством и становятся при Митридате VI Евпаторе даже

¹ Из новейших работ см. Д. П. Калистов, Этюды из истории Боспора в римский период. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 276—286 и № 4 (5), стр. 174—183; 1940, № 2 (11), стр. 65—77.

² Б. Н. Граков нашел амфоры с синопскими клеймами даже в Никопольском скифском городище во время своих раскопок 1938 г. ВДИ, 1939, № 1, стр. 275.

³ IRE, I², 402 и комментарии Лелера в ИАК, № 45, стр. 23 сл.

частями его великой державы¹. Одновременно с тем, соответственно изменившейся политике и Понта и всей Малой Азии, меняется и их официальное отношение к Риму, превращаясь из дружественного во враждебное. Вспомогательные контингенты Пантикапея и Херсонеса, вероятно, даже участвовали в ожесточенных войнах против Рима этого знаменитого понтийского царя², последнего защитника эллинской национальной самостоятельности и свободы. И не случайно именно в Пантикапее, этом наиболее отдаленном и свободном от римского влияния центре эллинистической культуры, особенно тесно притом связанном и с варварским миром, искал себе (в 65 г.) последнее убежище и опору этот заклятый враг Рима, после того как окончательно был выбит Помпеем из малоазиатских своих владений. Здесь, на Боспоре, он подготавливал перед своей смертью последнее, наиболее грозное выступление против нового западного хищника объединенных сил и эллинизма и эллинизированного варварства (А р р., Mithr., 107).

Однако и все оппозиционные Понту элементы городов северного побережья теперь, с 80-х годов I в., группируются уже в сильную партию сторонников Рима, которая находит себе приверженцев даже в семье самого царя³. Так, Аппиан сообщает об отпадении Боспора от Понтийского царства уже после первой неудачной войны Митридата с Римом и о значительных усилиях, которые пришлось затратить Митридату, чтобы опять подчинить себе Пантикапей: «против Боспора он строит большой флот и готовит огромное войско, так что величина его приготовлений быстро вызвала предостережение, что все это собирается не против боспорцев, а против римлян» (А р р., Mithr., 64). И только после второй войны с Римом, около 80 г., «Митридат, пользуясь затишьем, вновь овладел Боспором и назначил боспорцам правителем одного из своих сыновей, по имени Махара» (ibid., 67). Но успех его был далеко не полный: Махар скоро сам стал главой проримской партии на Боспоре. В связи с поражением своего отца он послал Лукуллу золотой венок и провиант, назначенный для снабжения Синопы, что впоследствии и заставило его, как друга и союзника римлян (*φίλος καὶ σύμμαχος*), при приближении Митридата к Пантикапею бежать в отдаленный и, видимо, особенно твердо державший сторону римлян Херсонес и здесь самому лишить себя жизни, не дожидаясь суровой расправы отца, когда и сюда протянулась его рука (ibid., 83 и 102; Р 1 и т. Лус., XXIV)⁴.

¹ S t r a b o, VII, 4. Надпись в честь Диофанта. IPE, I², 302.

² А п п и а н (Mithr., 69) среди союзников Митридата в третьей войне против римлян упоминает даже скифов и тавров.

³ Д. П. Калистов («Этюды из истории Боспора в римский период», ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 281) полагает, что появление римской партии в городах Северного Причерноморья объясняется чуть ли не классовой изменой Митридата, а именно тем, что, «под влиянием неудач и тягот затяжных и повторных войн с Римом, Митридат меняет свою политическую ориентацию. Начав свою деятельность в Северном Причерноморье с похода против «варваров» и вооруженной ликвидации восстания рабов, он заканчивает ее политической союзом с варварскими династиями и вербовкой в свою армию тех же самых рабов и пиратов». В результате «эта политика сближения с окружающими Боспор туземными племенами оказалась совершенно несовместимой с одновременным сохранением верности со стороны рабовладельческих городов побережья» (стр. 288). Д. П. Калистов, однако, упускает из виду тот общеизвестный факт, что эти «варвары» (=скифы и сарматы) были главными поставщиками рабов на понтийские рынки, а «династия» их уже сами были крупнейшими рабовладельцами. От политики сближения с ними поэтому никогда не отказывались рабовладельческие элементы греческих городов Понта. Ключ к решению вопроса следует, таким образом, искать не в перемене отношения Митридата к рабам и варварам, тем более заключая их в одни скобки, а в самой затянувшейся и безнадежной его борьбе с Римом, мешавшей развитию торговых связей городов Северного Причерноморья.

⁴ См. также М е т п о н, LIV (Л а т ы ш е в, «Известия», стр. 510).

Насколько эта римская партия была уже сильна в это время в городах Крыма, показывает восстание в Фанагории и других городах Боспора в конце царствования Митридата, с которым последний уже не в состоянии был справиться: отложились «Фанагория, Херсонес, Нимфей и все другие (города), лежащие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении» (А р р., *Mithr.*, 108). Римскую партию использовал и Фарнак, другой сын Митридата, чтобы окончательно свергнуть своего отца: после самоубийства последнего он, как известно, даже труп его послал Помпею, от которого за это и получил утверждение на боспорском престоле. Измена же Риму стоила и ему тоже и престола и жизни: после своего неудачного вторжения в Малую Азию и неудачной битвы с Цезарем при Зеле он был убит в 47 г. по возвращении в Пантикапей в бою с восставшими против него сторонниками римской ориентации, во главе которых стоял «архонт» Асандр. Повидимому, особенно энергично сторону Рима держало и теперь торговое и промышленное население больших городов. Пантикапей и Феодосия были подчинены Фарнаком только с помощью набранных им полчищ скифов и сарматов (А р р., *Mithr.*, 120). В это же время, уже после смерти Фарнака, в 46 г. (в третье консульство Цезаря) и херсонесцы посылают посольство в Рим к сенату и диктатору Цезарю просить о восстановлении их свободы¹—надо думать, в награду за верность римскому делу во время выступлений Митридата и Фарнака: они имели в виду, несомненно, пример получения автономии Фанагорией от Помпея за восстание ее против Митридата в 64 г. (А р р., *Mithr.*, 108 и 113).

Это ходатайство Херсонеса об автономии является, насколько можно судить, отражением основного программного требования городских элементов Северного Причерноморья, заключавшегося в желании вернуться к домитридатовскому положению: самостоятельности и дружественным, но не вассальным отношениям к Риму. Города Крыма восставали и против Митридата и против Фарнака, когда те начинали борьбу с Римом и тем парализовали торговое общение с Эгейским морем и римскими владениями в Малой Азии. Но столь же решительно они сопротивлялись и попыткам Рима поставить Таврический полуостров в положение римского вассала и, тем более, римской провинции. Так, когда Цезарь назначил после смерти Фарнака правителем на Боспор близкое к себе лицо—Митридата Пергамского («Митридат с большим рвением помогал Цезарю в Египте», — сообщает Аппиан, *Mithr.*, 121), последний был встречен враждебно теми же группами боспорского населения, которые восставали против Фарнака, и разбит их вождем—тем же Асандром. Не желая еще более обострять это движение на Боспоре, Рим должен был утвердить Асандра царем Боспора (L u c., *Μακρὲς βίαις*, 17) и в продолжение тридцати лет его царствования (47—17) не делал, повидимому, никаких попыток к более полному подчинению Боспорского царства.

Вторая подобная попытка сделана была Римом лишь после смерти Асандра, когда на Боспоре произошла большая смута в связи с появлением самозванца Скрибония. Он выдавал себя за внука Митридата и сумел временно завладеть боспорским престолом, женившись на вдове и наследнице Асандра—Динамии. Это дало повод Агриппе, который в это время был проконсулом в Азии (14 г. до н. э.), направить в Боспор Полемона, царя Понта, типичного прислужника римлян. Со Скрибонием боспорцы скоро справились сами, но Полемону они оказали отчаянное сопротивление («из боязни, — как говорит Дион Кассий, —получить в его лице нового властителя»). Только угроза прямого вмешательства Агриппы и его приготовления к военной экспедиции против Боспора заставили, наконец, боспо-

¹ IPE, 1², 691 и комментарии Ростовцева, *ibid.*, стр. 526 сл.

рян подчиниться Полеону и признать эту креатуру Рима царем (C a s s. D i o, LIV, 24). Динамии как законной наследнице боспорского престола пришлось выйти за него замуж, видимо, для оправдания как его претензий, так и римских пополизновений на Боспор, почему Дион Кассий и сообщает, что «Полеон женился на Динамии с соизволения Августа»¹. К этому времени и следует относить унижительную для боспорской царицы надпись на базисе статуи императору Августу, найденном в Фанагории (IPE, II, 354). Здесь царица Динамия, называя себя «римлянолюбивой» (φιλορῳμαιος), униженно именует Августа «повелителем всея земли и всего моря, своим спасителем и благодетелем» (πάσης γῆς καὶ πάσης θαλάσσης ἄρχοντα τὸν ἐαυτῆς σωτήρα καὶ εὐεργέτην), т. е. допускает такой сервильизм в выражениях, который уместен лишь для настоящих подданных.

Однако и эта вторая попытка римлян обратить Боспор в своего прямого вассала кончилась опять неудачно. Города Боспора и на этот раз подняли против Полемона, а следовательно, и Рима восстание совершенно так же, как в эпоху Цезаря и Митридата Пергамского. Так, Страбон сообщает (XI, 2, 3), что Полеон «за неповиновение» взял и разгромил город Танаис²: положение должно было быть очень острым, если приходилось прибегать к таким чрезвычайным мерам. Город Фанагория, повидимому, тоже подвергся жестокой экзекуции, и ему грозила участь Танаиса. Однако здесь дело ограничилось, конечно после соответствующей расправы, только оскорбительным переименованием его в Агриппейон—в честь высокого покровителя Полемона и главного вдохновителя его романизаторской политики на Боспоре, фаворита самого Августа—Агриппы. Может быть, в связи с этим стоит другая надпись из Фанагории, в которой «народ агриппейцев» прославляет ту же царицу Динамию за какое-то заступничество, как «свою спасительницу и благодетельницу» (IPE, II, 356): возможно, что ей, вдове Асандра, некогда возглавлявшего подобное же движение боспорских городов, удалось несколько смягчить суровый приговор над Фанагорией. Во всяком случае ее сын от Асандра, Аспург, сделался даже главою всего повстанческого движения. «Аспургианам» (S t r a b o, XI, 2, 11) удалось, наконец, взять в плен и убить самого Полемона, как и Асандру в аналогичной борьбе с Фарнаком, лишь с помощью наемных варварских дружин (меотов). Таким образом, полной неудачей кончилась эта вторичная попытка Рима закрепиться на Боспоре путем возведения на его престол своих креатур—прием, весьма часто применявшийся римской дипломатией для подготовки союзного государства к обращению в римскую провинцию.

При Аспурге, ставшем после победы над Полеоном правителем всего Боспора (8—38 гг. н. э.), повидимому, восстановлены были те чисто союзные и удобные для городов Крыма отношения к Риму, которые существовали при его отце Асандре. Ориентируясь на выдвинувшие его городские слои Боспора, Аспург, вероятно, тоже именовался, как и его отец, только «архонтом». Этот республиканского значения титул, видимо, был дорог для автономистской партии причерноморских городов. Позднее, правда, в надписях Аспурга появляется слово «царь» (βασιλεύς) с прибавлением слов φιλόκαισαρ καὶ φιλορῳμαιος (IPE, II, 36 и стр. XLII), но без всяких иных унижительных выражений, которые приходилось при Полеоне употреблять его матери Динамии, а позднее и его преемникам. Сила этих автономистских тенденций городов Боспора еще такова, что римлянам пришлось очень быстро ликвидировать и третью свою попытку навязать Боспору

¹ Ibid.: ἡ τε γυνὴ ἡ Δύναμις συνώκησεν αὐτῷ τῶν Αὐγούστου δῆλον ὅτι ταῦτα δικαιοῦσαντες.

² Ср. С. А. Жебелев, Боспорские этюды. В сборнике «Из истории Боспора», ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 37—45.

послушного им царя со стороны. Так, в 38 г., по смерти Аспурга, правительство Калигулы отправило на Боспор внука Полемона Понтийского, Полемона II, но, видимо, он встретил здесь такое сильное сопротивление, что уже через три года (41 г.) Клавдий принужден был признать царем Боспора сына Аспурга, Митридата III, которого поддерживало местное население, а Полемона вернуть в Понт, возместив ему потерю Боспора передачей Киликии (Cass. Dio, LX, 12; LX, 8).

Но на этот раз, в связи с общей активизацией римской внешней политики при Клавдии, римское правительство недолго мирилось со своей неудачей и нашло, наконец, радикальные средства решить затянувшийся боспорский вопрос. Началось с того, что римская дипломатия сумела подобрать себе верного партизана среди членов самой династии, правившей на Боспоре, в лице брата царя Митридата, Котиса, выдавшего римлянам план подготовлявшегося Митридатом III восстания против Рима¹. В 45 г. Котис императором Клавдием не только был назначен царем Боспора, но и получил для своего воцарения прямую военную помощь со стороны Рима. Впервые в истории Крыма большой отряд римской армии под начальством А. Дидия Галла высадился на территории самого Боспора, насильственно сверг популярного царя Митридата III и возвел на боспорский престол римского кандидата—Котиса. Мало того, впервые же в истории Крыма несколько римских когорт под начальством римского всадника Юлия Аквилы разместились в городах Боспора в качестве постоянных гарнизонов. Но так как Митридат, уверенный в поддержке со стороны населения, продолжал сопротивление, собрав значительное войско из «варваров и перебежчиков», то Аквила вместе с верными Котису боспорскими войсками предпринял против Митридата поход и загнал его в самый отдаленный северо-восточный угол Боспорского царства—к устьям Танаиса. Только здесь, наконец, Митридат III был окончательно побежден, взят в плен и отправлен в Рим (Tac., Ann., XII, 15—21), где бывший боспорский царь сперва был выставлен как преступник на форуме напоказ народу, а затем долго жил в качестве пленного в Риме, пока не был казнен Гальбой за участие в одном из заговоров². Видимо, по примеру своего знаменитого предка Митридат III никак не мог примириться с римским господством и продолжал борьбу с ним даже при самых неблагоприятных условиях.

С этого времени Боспор становится вполне зависимым от Рима государством, в котором уже стоят римские гарнизоны. Котис I не только опять возвращается к сервильному языку надписи Динамии, опять называя императора своим «спасителем и благодетелем», а себя именуя «пожизненным жрецом Августов»—*ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίον* (IRE, II, 32), но и на монетах своих помещает портреты Нерона, Британника и Агриппины. Мало того, начиная с Котиса I, все боспорские цари, вплоть до 233 г., неизменно носят имя Тибериев Юлиев, что должно обозначать даже не вассальные, а уже клиентские отношения их к римским императорам. Так что если Боспор и не сделался в полном смысле римской провинцией³, то зависимость его от Рима стала уже настолько полной, что обращать его в провинцию Риму уже не было никакой надобности. Боспорские цари покорно ездят по вызову в Рим, например Тиберий Юлий Реметалк

¹ Cass. Dio LX, 28, 7: *Μιθριδάτης... βασιλεὺς ἐνεωτέρως καὶ παρεσκευάζετο εἰς τὸν κατὰ τῶν Ῥωμαίων πόλεμον.*

² Ibid., LX, 32, 4^a = LXI, 32, 4^a (Boissevain); P l i n., NH, VI, 17.

³ В течение семи лет, с 62 по 69 г., может быть, Боспор таковою и был временно, так как на золотых монетах этого времени нет ни боспорской даты, ни изображения или монограммы боспорского царя, но лишь портрет Нерона с надписью: *Νέρωνος Καίσαρος*.

(131—153) при Антонине (Capit., Vita Ant., 9), даже посылают годовую дань императору через наместников Вифинии, как Тиберий Юлий Евпатор (154—170) (L u c., Alex., 57), не говоря уже о том, что они продолжают ставить статуи императорам как «личным и царства их благодетелям» (IRE, II, 33 и 34) и состоять их «пожизненными жрецами» (ibid., 41).

Однако следует отметить одну деталь в этих отношениях Боспора к Риму—военных ли, или дружественно-верноподданнических: они всегда имели ближайшее отношение к римской политике в Малой Азии и шли через посредство римских деятелей, здесь подвизавшихся. Митридат Пергамский, оба Полемона Понтийских были малоазийские династы на римской службе. Агриппа подготовлял из Малой Азии (Синопы) экспедицию на Боспор и действовал в данном случае как азиатский наместник Августа. После победы Юлия Аквилы над Митридатом III его выдают прокуратору Вифинии Юнию Цилону. Цилон же получил и награду за всю операцию против Митридата III (знаки консульской власти) вместе с Аквиллой (знаки преторской власти), так что Аквила здесь определенно выступал как его подчиненный¹. Дань императору царя Боспора посылают тоже через наместника Вифинии (L u c., Alex., 57). Наконец, Арриан в качестве наместника Каппадокии описывает в своем перипле путь на Боспор через Кавказ из Малой Азии на случай, если император Адриан, в связи с отсутствием прямых наследников у боспорского царя Тиберия Юлия Котиса II (123—131), пожелал бы дать какие-либо распоряжения относительно Боспорского царства—несомненно, вопрос стоял об его оккупации войсками из Малой Азии. Таким образом, римская экспансия в сторону Боспора была частью римской азиатской политики, и Боспор был связан с Римом с самого начала, с Митридата Евпатора, и до III в. н. э. только через посредство римской администрации и римского военного командования в Малой Азии. Этот путь римского продвижения был, таким образом, юго-восточным путем—шел по южному берегу Черного моря через Вифинию, Каппадокию, Понтийское царство и обслуживался стоявшими здесь римскими войсками и флотом².

Второй путь продвижения Рима к крымским берегам шел, как уже указывалось, через Дунайские провинции, и основной базой его являлось крайнее восточное звено в их цепи—римская провинция Мезия. На вопросах о ее возникновении, хозяйстве и быте, военно-административном устройстве и культуре следует остановиться подробнее, так как все это будет иметь решающее влияние как на оккупацию римлянами Таврики, так и на характер культуры, которую римляне создали в последней в I—II вв. н. э.

Провинция Мезия—одна из наиболее поздно образовавшихся провинций римской державы. Начало ее относится только к эпохе Августа, но

¹ T a c., Ann., XII, 21: Consularia insignia Ciloni, Aquilae praetoria decernuntur. Аквила впоследствии тоже был прокуратором Вифинии.

² Иногда А. Дидия Галла, руководившего римским походом на Боспор в 45 г., называют наместником Мезии (B. F i l o w, Die Legionen der Provinz Moesia, «Klio», Beiheft VI, стр. 12, прим. 5: «Wahrscheinlich damals Staatthalter von Moesia»). Ср. L. H o m o, Le Haut-Empire, 1933, стр. 264 и прим. 129). Однако на это нет никаких указаний ни Тацита, ни Диона Кассия, ни других авторов. В переписке легатов Мезии с городом Истрией, открытой недавно V. Pârvan'om (H o n d i u s, SEG, I, Fasc. 2, 1924, № 329), его имя тоже не фигурирует. Не упоминает о нем и Дион Кассий, который приводит несколько имен легатов Мезии. T a c i t (Ann., XII, 15) называет его только *dux romanorum*. Известно, что в 50-х годах он был наместником в Британии. См. CIL, III, 1747. С другой стороны, есть сведения, что города Вифинии (Византий) принимали участие в «Боспорской войне» 45 г. (T a c., Ann., XII, 63).

полностью она сформировалась лишь при Домициане. В общем она занимала территорию современной Добруджи, северной Болгарии и восточной части Югославии (Сербии): границами ее были на юге Балканы (Haemus mons) и гора Scardus, на западе—река Дрина от истоков до впадения в Саву, на севере—Дунай от устья Савы до Черного моря, на востоке—фракийское побережье (ora maritima) Понта¹.

В те времена это была обширная, суровая и полудикая страна, хотя по природе и весьма плодородная, обильная виноградом, богатая металлами, зверем и рыбой (Herod., IV, 89—95; V, 16); по этой причине побережье ее рано покрылось греческими колониями. Население Мезии принадлежало к фракийскому племени, которое, как известно, состояло из множества мелких народцев, населявших все пространство между Дунаем и Эгейским морем. В области Мезии из них упоминаются мезы (жили по реке Siabrus, P t o l., III, 9, 2), трибаллы, дарданы, артакии, тимахи, геты и другие племена, родственные забалканским фракийцам—бессам, одризам и др., а на севере—многочисленная народность даков (Cass. Dio, LI, 22—23; Plin., N. H., III, 149).

Доримская культура Мезии была весьма примитивна и, повидимому, подобна примитивной культуре южных фракийцев во времена Геродота: наряду со скотоводством и земледелием характерным явлением быта фракийцев были разбойничьего типа войны, полигамная семья с убийством любимой жены на могиле мужа, широко распространенный обычай татуировки, шумные, пьяные оргии на празднествах и пр. (Herod., V, 3—8). Но если у южных фракийцев наблюдаются уже с V в. до н. э. некоторые формы государственного быта, например большие государственные объединения царей одризов—Тереса (V в. до н. э.), Ситалка (440—420) (Thukyd., II, 29 и 97), Котиса (384—360), а затем они подверглись некоторой эллинизации благодаря временному захвату Фракии македонцами, то у северных фракийских племен, в особенности у мезов, видимо, до начала нашей эры еще держался родовой строй, может быть, с некоторыми переходными формами к военной демократии. Впрочем, археологический материал о древнейшей Мезии нам мало доступен, так как помещается преимущественно в югославской (сербской) и болгарской печати. То, что попадает в общую историческую печать, довольно еще скудно и противоречиво, чтобы составить себе ясную картину². Видимо, материальный быт стоял на ступени так наз. латенской культуры, которая здесь могла особенно распространиться со времени появления кельтов на Балканском полуострове (III в. до н. э.).

Начало проникновения римлян в области нижнего Дуная и северо-западных берегов Понта относится тоже к эпохе митридатых войн и непо-

¹ Cass. Dio, LI, 27; M. Fluss, Moesia, RE, XV, 2, 1932, ст. 2350 сл.

² См. «Revue internationale des études balkaniques», выходящий с 1934 г. в Белграде. В этом отношении следует отметить работы выдающегося болгарского историка и археолога Bogdan Filow'a, в последнее время открывшего в современной Болгарии ряд интереснейших погребений микенского типа, относимых, правда, лишь к V—IV вв. до н. э. (близ местечек Mezek, Svilengrad и др.). Эти данные раскопок Filow'a и др. в общем подтверждают и конкретизируют то, что нам дают письменные источники: существование у древних фракийцев значительной аристократической верхушки и пышных дворов родо-племенных старейшин по типу Микенской эпохи. Но они ничего не способны нам сообщить о быте низов фракийского населения. (RA, XXXIII, 1931, стр. 171 и B. Filow, Thrakisch-mycenische Beziehungen in «Revue internationale des études balkaniques», V, 1937, стр. 1—7). Открыты подобные же погребения и в Сербии, близ Trebenische. См. REG, № 224, 1925, стр. 141 и E. K. Schkorpil, Die archaische Necropole von Trebenische. Berlin, 1927; N. I. Vulić, Une necropole antique près de Trebenište in «Rev. int. des études balkaniques», I, 1934, стр. 156—164. См. также «Dacia», recherches et découvertes en Roumanie, publiées sous la direction de V. Pârvan. Bucarest, 1924.

средственно связано с ними. План Митридата (в чем он имел предшественниками таких заклятых врагов Рима, как Ганнибал и Филипп V Македонский) поднять против Рима еще не покоренные им варварские народы севера, у которых как раз в это время начали появляться первые крупные государственные образования (царство Скилура и Паллака у скифов, Биребисты у гетов-даков), не был такой «смехотворной глупостью», как изображает его Моммзен¹. Вся Фракия горячо поддерживала Митридата, а бастарны были его самой верной военной опорой в его войнах с Римом (A p p., Mithr., 15, 69, 71, 114). Варварский мир задунайского северо-востока начинал представлять для Рима нарастающую опасность. С этого времени провинция Македония, до тех пор лишенная даже особой армии, выходит из пассивного состояния, в котором она пребывала всю вторую половину II в. (с восстания Андриска в 150—148 гг.). Ее проконсулы развивают большую боевую деятельность в сторону еще свободной Фракии и нижнего Дуная и очень озабочены опасностью для провинции и Италии с этой стороны. Уже Сулле в 85 г., после победы при Орхомене, пришлось «наводить порядок» в Македонии и расправляться с фракийцами, дарданами и скордисками, которые в это время наводнили ее своими ордами и грабили². Марк Лукулл (младший брат Луция Лициния Лукулла) во время своего проконсульства в Македонии в 72—71 гг. разбил бессов, перешел Балканы, воевал с мезами, первый достиг самого устья Дуная (S a l l u s t., Hist., IV, 18; A p p., III, 30; L i v., Perioch., XCVII) и обратил в civitates foederatae греческие города фракийского побережья Понта³.

Однако в 62—61 гг. Рим здесь потерпел весьма сильную неудачу, которая свела к нулю достигнутые было успехи. Проконсул Гай Антоний Гибрида, коллега по консульству Цицерона и победитель Катилины, жадный, стяжательный и трусливый, вызвал своими поборами и притеснениями всеобщее недовольство, даже отложение греческих городов, покоренных Лукуллом, и при попытке вновь подчинить их был жестоко разбит недалеко от города Истрии, повидимому нанятыми ими бастарнами. В руки варваров попали римские знамена, которые 30 лет спустя показывались как трофеи в гетском городе Генукла (C a s s. D i o, XXXVIII, 10, 1—3; L I, 26, 5)⁴. Вызванный в Рим Антоний был предан суду за вымогательство и нераспорядительность и приговорен к ссылке, несмотря на защиту Цицерона⁵. Это поражение имело результатом полное падение авторитета Рима на севере Балканского полуострова. При следующих наместниках—Гае Октавии (одец Августа) в 60—59 гг. и в особенности при Луции Кальпурнии Пизоне (58—55 гг.), тесте Цезаря, таком же хищнике и вымогателе, как Антоний, идут постоянные восстания фракийских племен, так что даже была перерезана основная стратегическая дорога римлян—via Egnatia и пришлось укреплять столицу провинции Македонии—Фессалонику (S t r a b o, VII, 3, 5; S u e t o n., Caes., 44, Aug., 8)⁶. То же в значительной степени происходило и в эпоху диктатуры Цезаря и гражданских войн 40—30 гг. На нижнем Дунае образовалось громадное гетодакийское государство Биребисты с территорией от Ольвии до Бургасского залива, располагавшее армией в 200 тыс. человек (S t r a b o, VII, 3, 13), с которым Помпей искал союза и против которого Цезарь собирался в 45 г. выступить в поход, считая его не менее опасным, чем

¹ «Röm. Gesch.» III, стр. 135. Cp. С. Patsch, Beiträge, V, стр. 33.

² T h. R e i n a c h, Mithridates Eupator, König von Pontos, стр. 116.

³ M o m m s e n, Röm. Gesch., III, 42; V, 11, прим.

⁴ См. K l e b s, RE, I, стр. 2580 сл.

⁵ С. Patsch, Beiträge, V, стр. 40 сл.

⁶ Также надпись в честь Акорниона из Дионисополя. Б. Н. Г р а к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 251—253. См. B r a n d i s, RE, Suppl. I, стр. 261 сл.

парфянское (C a s s. D i o, LI, 22, 6). Даки и фракийцы участвовали на стороне Антония в битве при Акциуме и, попав в плен, сражались потом в качестве гладиаторов в римском цирке во время триумфа Октавиана. Так в 30 г. север Балканского полуострова и примыкавшие к нему задунайские области опять стали представлять для Рима грозную опасность, не меньшую, чем зарейнская Германия.

Оккупация Мезии¹ римлянам, наконец, удалась в начале принципата Августа, но сопровождалась такой же напряженной и кровопролитной борьбой, как и завоевание новых провинций на верхнем и среднем Дунае. Начало этому было положено уже в 30-х годах I в. до н. э. обращением Фракии в полузависимое от Рима княжество. Здесь уже в 31 г. дипломатии Октавиана удалось посадить царем молодого Котиса, приверженца Рима, и тем распространить своего рода римский протекторат на эту страну. Несколькими позднее и у гетов появился в качестве правителя римский ставленник Ролес (Roles). В таком виде ряда зависимых от Рима княжеств Фракия существовала около 74 лет, до 46 г. н. э. Правда, это не мешало некоторым фракийским племенам подниматься против своего нового патрона: так, уже в 27 г. до н. э. пришлось усмирять восставших одризов и бессов, обитавших на запад от реки Гебра, т. е. в непосредственной близости от восточной границы римской провинции Македонии (C a s s. D i o, LIV, 3 и 20).

В 29 г. до н. э. римское влияние стало распространяться далее на север, за Балканы и к самому Дунаю. Поводом к этому было нашествие бастарнов и даков из-за Дуная на Фракию, которую римляне рассматривали как свою подзащитную страну. Наместник ближайшей к Фракии провинции Македонии, М. Лициний Красс², внук знаменитого триумвира, получил приказ использовать это обстоятельство для расширения римских владений на север в сторону Дуная. Он разбил бастарнов на берегу реки Siabrus (совр. Tzibritza) у впадения ее в Дунай и после жестокого избиения их прочно занял в предупреждение дальнейших нашествий прилегающее побережье Дуная, т. е. современную Сербию и северную Болгарию, а по римской номенклатуре—области мезов и гетов³. Несколько позднее, в 13—11 гг. до н. э., наместник Памфилий Л. Кальпурний Пизон вновь разбил напавших на Македонию и Херсонес Фракийский сиалетов и бессов и овладел всей восточной Фракией (C a s s. D i o, LIV, 34). Повидимому, тогда же попали вновь под римский протекторат и приморские греческие города фракийского побережья Понта вплоть до города Истрии. Так к 10 г. до н. э. на север от Македонии и Фракии, между Дунаем и Балканами образовалась обширная вновь подчиненная территория—«Мезия». Она являлась крайним правым звеном длинной цепи новых северных пограничных провинций, возникших за последние десятилетия I в. до н. э. по Рейну и Дунаю, от Северного моря до Понта.

¹ A. von Premerstein, Die Anfänge der Provinz Moesien. «Jahreshefte d. österr. arch. Instituts», I, 1898, Beibl., стр. 146—196; B. F i l o w, Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diocletian. «Klio», Beiheft VI. Leipzig, 1906; H. v a n d e W e e r d, Étude historique sur les trois légions romaines du Bas-Danube. Louvain, 1907; S. E. S t o u t, The Governors of Moesia. Diss. Princeton, 1911; V. C h a p o t, Le monde romain. Paris, 1927, стр. 426—429; V. P ä r v a n, La romanisation aux bouches du Danube. «Revue belge de philologie et d'histoire», t. IV, 1925, стр. 326 сл.; C. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa V. SAWW, B. 214. Abhand. I. Wien und Leipzig, 1932; R. S y m e, Lentulus and the origine of Moesia. JRS, vol. XXIV, 1924, стр. 113—137.

² См. G r o a g, Licinius Crassus. RE, XIII, I, 1926, ст. 270—285. Первые попытки римлян проникнуть к устью Дуная были уже в 70-х годах I в. до н. э. при проконсулах Македонии—Г. Скрибонии Курионе и М. Лицинии Лукулле (S a l l., Hist., II, 80 и III, 49—50; A p p., 30).

³ «Monum. Ancyr.», 26: «protuli fines Illyrici ad ripam fluminis Danuvii».

Дион Кассий очень обстоятельно описывает эти подвиги, совершенные в Мезии римскими конквистадорами (LI, 23—27), в особенности внуком победителя Спартака. И так как, по его собственному признанию, он использовал для этого достаточно осведомленные источники (γράφω δὲ τὰ τε ἄλλα ὡς ποὺ παραδέδοται, καὶ αὐτὰ τὰ ὄνόματα, гл. 27, 2), то, видимо, мы имеем здесь очень реальную картину возникновения этой римской провинции.

Прежде всего, он неоднократно возвращается к изображению отчаянного сопротивления, какое оказывало местное население—мезы и геты—римским завоевателям. Свои многочисленные городища и укрепленные поселения (φρούριον, τεῖχος, χωρίον ἰσχυρόν) они защищали до последней крайности, и римлянам приходилось их брать путем тяжелых осад и штурмов (σὺν πολλῶν δὲ δὴ πόνῳ, гл. 26, 5), «со значительными трудностями и затратой сил» (ἐπιπόνως δὲ δὴ καὶ ἐπιμυδύνας, гл. 25, 1). Одно городище в области мезов, где засели остатки разбитых бастарнов, армии Красса даже совсем не удавалось взять своими силами и пришлось призвать на помощь изменника Ролеса с его гетами (гл. 24, 7). При попытке Красса взять другое городище мезов они нанесли чувствительное поражение его авангарду, и оно взято было лишь путем осады, когда он стянул сюда всю свою армию (гл. 23, 5). Третье укрепленное поселение, стоявшее на самом Дунае и, видимо, весьма значительное, так что Дион Кассий сохранил и его имя—Генукла (Γένουκλα τὸ εὐρρέστατον τεῖχος), пришлось, ввиду его отчаянного сопротивления, брать одновременным штурмом и с суши и с реки (гл. 26, 5). Четвертое, в котором заперся один из предводителей гетов Даникс, взято было лишь путем измены, причем защитники его вместе со своим вождем, когда положение стало безнадежно, все покончили самоубийством, взаимно помогая в этом друг другу (гл. 26, 2). Укрепленную громадную пещеру Кейру (в ней нашло убежище множество местных жителей со своим добром и скотом) удалось взять лишь благодаря тому, что римляне разыскали и замуrowали все ее многочисленные выходы и голодом принудили беглецов к сдаче (гл. 26, 3).

Однако население немедленно восставало, как только основное ядро армии Красса покидало опустошенные области, и их приходилось покорять по нескольку раз. Так, область мезов Крассу и его легатам пришлось завоевывать три раза (гл. 23, 25, 27). Артакси не только сами не сдавались, но и других уговаривали следовать своему примеру; Крассу пришлось лично руководить карательной экспедицией против них и смирить их «отчасти силой оружия, отчасти грозившей им участью оказаться в положении военнопленных» (гл. 27, 1). Что обозначало это выражение, легко можно себе представить из весьма красочного изображения здесь же Дионом Кассием террористических приемов римской замирительной тактики. Так, над бастарнами Красс одержал победу обманом и коварством: он напоил пьяными их послов, пришедших для переговоров о мире, и выпытал у них все планы; а затем заманил все войско бастарнов в неудобную местность и организовал его беспощадное истребление. «Бежать им мешали стоявшие в тылу повозки, и так как они хотели спасти своих жен и детей, то и погибли вместе с ними. Предводителя их Дельдо Красс убил собственноручно... Некоторые беглецы укрылись в лесу, но римляне подпалили его со всех сторон и всех их сожгли. Другие бросались в Дунай или рассеялись по стране и тоже погибли. Пленные же были распределены между солдатами» (гл. 24, 7). «Крассе вторгся в Мезию и опустошил страну» (гл. 23, 4). «Мердов и сердов (племена южной Фракии, которые тоже попытались оказать сопротивление) победил он (Красс) в сражениях и приказал пленным отсечь руки» (гл. 25, 4). В результате после покорения Мезия представляла собою опустевшую, разоренную страну с жал-

кими остатками уцелевшего населения, которое еще продолжали добывать постоянно вторгавшиеся из-за Дуная сарматы и даки.

Вначале, при Августе, административная организация этой вновь завоеванной области на нижнем Дунае была весьма неопределенна. Так как территориально и в этнографическом отношении она принадлежала к фиктивно независимой Фракии, а завоевана была проконсулами и войсками римской провинции Македонии, то и считалась принадлежащей обеим этим областям. Нижнее течение Дуная—теперешняя предбалканская Болгария,—еще слабо освоенное римлянами, было еще, повидимому, полуавтономной областью. Она номинально числилась за Фракией и управлялась местными, фракийскими князьками. Защищали ее туземные войска, которые в случае необходимости поддерживались римскими вспомогательными отрядами. Территория теперешней Сербии с дунайским побережьем от реки Дрины и до Тцибрицы считалась частью провинции Македонии. Здесь в крепости Сингидунум (Белград), у впадения Савы в Дунай, в чрезвычайно важном в стратегическом отношении пункте, были расквартированы два римских легиона—IV *Scythica* и V *Macedonica*—под командой особого императорского легата (*legatus Augusti pro praetore in Moesia*), подчиненного, однако, сенатскому наместнику Македонии¹. В качестве резерва для этих войск первой линии могли быть использованы еще два легиона—VII *Claudia* и XI *Claudia*, стоявшие в соседней Далмации, с которой было хорошее сообщение по долине реки Дрины.

В Мезии все время правления Августа господствовал тот же свирепый военный режим, вообще обычный в недавно завоеванных римлянами областях, где сопротивление не было еще окончательно сломлено и где исконное население поэтому беспощадно истреблялось² или принудительно выселялось. Страбон сообщает (VII, 3,3), что в 16 г. до н. э. с устьев Дуная были переселены во Фракию 50 тыс. гетов, «которые и до сих пор здесь зовутся мезами». Много забот доставляли римлянам постоянные нападения сарматов и даков. Так, в том же 16 г. Гай Луций (вероятно, Л. Элий Катон) прогнал за Дунай сарматов (*C a s s. D i o, L I V, 20*), которые, по словам Флора, нападают на незащищенные поля Мезии, не имея сами ничего кроме снегов, льдов и лесов: «они столь дики, что не понимают³ даже, что такое мир». Вторично этих же сарматов и даков, особенно часто делавших опустошительные набеги на Мезию в зимы, когда замерзал Дунай, изгнал из Мезии проконсул Македонии Гн. Корнелий Лентул около начала нашей эры. Он прогнал их обратно за Дунай и начал здесь постройку пограничных укреплений (*praesidia*), за что и получил триумфальные почести⁴.

Любопытные подробности о суровой жизни на этой новой северо-восточной окраине римской державы сообщает Овидий, который провел, как известно, в Томах девять последних лет своей жизни (с 9 по 17 г. н. э.). Несмотря на то, что он обычно преувеличивает отрицательные стороны окружающей обстановки, чтобы разжалобить своих влиятельных римских знакомых, он все же должен признать, что в общем на низовьях

¹ О времени появления этих императорских легатов см. R. Syme, *Lentulus and the origine of Moesia* (стр. 123—125)—повидимому, с начала н. э. (между 6 г. до н. э. и 4 г. н. э.).

² *C a s s. D i o, L I V, 3*. Процесс наместника Македонии Марка Прима.

³ *F l o r.*, II, 28: «*Sarmatae patentibus agris inequitant... nihil praeter nives, pruinas ac silvas habent... tanta barbaria est ut nec intelligant pacem*».

⁴ *Ibid.*: «*ultra ulteriorem repulit (Dacos) ripam. Citra praesidia constituta*». Также *T a c., Ann.*, II, 44: «*triumphalia de Getis*». Подробнее об этом забытом деятеле эпохи Августа см. R. Syme, *Lentulus and the origine of Moesia*. «*JRS*, XXIV, 1934, 2, стр. 113—137.

Дуная установилось уже относительное спокойствие («*ripa ferox Histri tuta fuit*», «*Ex Ponto*», IV, 9, 75), так как римское военное командование своими суровыми мерами пресекало всякие нарушения мира и держало «*Mysas gentes in pace fideli*» (*ibid.*). Между жителями правого берега реки и задунайскими варварами происходил обмен, и зимой сарматы пригоняли своих быков через замерзшую реку (*Trist.*, III, 10, 31 сл.). Овидий выучился говорить по-гетски и по-сарматски и даже делал попытки писать стихи на этих языках. Но иногда порядок нарушался вражеским набегом, что при нем случилось дважды. В 12 г. геты захватили пограничную крепость *Aegisus* («*vetus urbs, ripa vicina Histri, moenibus et positu vix adeunda loci*», «*Ex Ponto*», I, 8, 11 сл.), и всадники их через эту брешь в цепи пограничных укреплений прорвались до самых окрестностей города Томы, грабя селения и угоняя жителей в плен. В Томах власти мобилизовали всех граждан, и даже Овидий записался в милицию. Но на помощь прислал войска фракийский князь, а затем явился и римский легат Вителлий, повидимому с IV Скифским легионом¹. *Aegisus* был взят штурмом, и прорыв быстро ликвидирован. Затем, через несколько лет (в 15 г.?), варвары так же внезапно захватили другое пограничное укрепление—*Troesmis* (позднее это центральная крепость Нижнедунайского рубежа), но быстро понесли за это кровавую расплату от легата Л. Помпония Флакка: «*hic (Flaccus) raptam Troesmin celeri virtute recepit infecitque fero sanguine Danubium*» («*Ex Ponto*», IV, 9, 75).

Такой порядок существовал и во время всего правления Тиберия, как известно, державшегося на границах Римской империи чисто оборонительной политики. При Тиберии главной задачей римской администрации Мезии являлось, кроме того, наблюдение за делами Фракии и подготовка ее полного захвата Римом. В этих целях производилось постоянное вмешательство отсюда в непрерывные внутренние смуты, которые, к великому удовольствию римлян и не без их содействия, раздирали эту большую, терявшую свою самостоятельность страну (*T a c.*, *Ann.*, II, 65—67; IV, 46—47, 50—51). Для этого Мезия занимала очень удобную в стратегическом отношении фланговую и тыловую позицию. Таким образом, в этот период Мезия играет на европейском востоке роль римского форпоста, боевая деятельность которого ориентирована не столько на север, сколько на юго-восток, не к Дунаю, а за Балканы, к берегам Мраморного моря и Геллеспонта².

При Клавдии и Нероне римская внешняя политика, как известно, стала принимать более агрессивный характер. В связи с этим начался второй период в истории провинции Мезии. Она стала в это время основным плацдармом в римском наступлении на северо-востоке римской державы, исходным местом в ее борьбе с восточно-европейским варварским миром. В связи с этим прежде всего изменилось ее административное устройство. В 44 г. вся территория от реки Дрины на восток до самого берега Понта, а на юг от Дуная до Балканских гор была обращена в самостоятельную «провинцию Мезию» проконсульского ранга, т. е., так сказать, провинцию первого разряда. Соседняя Фракия, которая в 46 г., после смерти царя Реметалка III, тоже, наконец, обращена была в римскую провин-

¹ *S. P a t s c h*, *Beiträge*, V, стр. 117 сл.

² Напряженное положение во Фракии побудило императора Тиберия изъять провинции Македонию и Ахайю из ведения сената (*S u e t o n.*, *Claud.*, 15) и назначить энергичного легата Мезии Г. Поппея Сабина в 15 г. н. э. заместником всех этих трех балканских провинций. Поппей Сабин занимал этот пост в продолжение целых 20 лет (5—25 г. н. э.) до самой смерти. Преемником ему назначен был с такими же обширными полномочиями П. Меммий Регул (*T a c.*, *Ann.*, I, 80; V, 10; *C a s s. D i o.*, LVIII, 25, 4).

цию (T a c., Ann., XII, 63; E u s e b., Chron., II, 152—153), была подчинена ей в военном отношении: Фракия обратилась в главную тыловую базу, откуда Мезия получала продовольствие, военный материал и прекрасные военные контингенты (T a c., Ann., IV, 46—47) отчасти в виде вспомогательных отрядов (*auxilia*), отчасти в виде рекрутов для мезийских легионов. Количество легионов в 40-х годах н. э. было увеличено до трех: кроме уже раньше стоявших здесь IV *Scythica* и V *Macedonica* с их вспомогательными частями (*cohortes auxiliares*), теперь сюда был переведен из Паннонии п *legio VIII Augusta*¹. Такого большого гарнизона не имела ни одна провинция на Рейне и Дунае. Тогда же, по свидетельству надписей, в Мезии началась энергичная работа по постройке стратегических дорог² и связанных с ними пограничных укреплений. Началось также заселение страны, опустевшей благодаря римским военным методам умиротворения, новыми военными колонистами. К этому времени следует относить появление большинства римских городов и поселений Мезии, выросших преимущественно из крепостей и колоний ветеранов. Таковыми в Верхней Мезии были *Singidunum* у устья реки Савы (Белград), *Viminacium* у устья реки Моравы (*Costolatch*), *Ratiaria* (*Artchar*) близ устья Тцибрицы (*Ciabrus*), *Naissus* (Ниш) на Средней Мораве (*Margus*). В Нижней Мезии возникли придунайские города *Oescus* у устья одноименной реки (теперь *Isker*), *Novae* (Систова) и др.

Одновременно с тем значительно усилилось и римское вмешательство в жизнь греческих городов фракийского побережья (*ora Thraciae*). Одесс (Варна), Калатис (Констанца), Томы, Истрия стали римскими оплотами на берегах Понта³. Есть данные, что уже при Тиберии учреждена была должность «префекта морского побережья» (*praefectus orae maritimae*)⁴. В 1914 г. известный румынский археолог V. Párvan нашел при раскопках Истрии (теперь местечко *Saranasuf*—в 60 километрах к северу от Констанцы) чрезвычайно интересную надпись, содержащую письма римских наместников Мезии греческому городу Истрии⁵. Среди них, между прочим, есть письмо легата Мезии Туллия Гемина (вероятно, около 48 г. н. э.). Он именуется себя *πρόξενος καὶ ἀρχιστράτηγος* Тиберия Клавдия Кайяра *Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ* и сообщает, что в бытность его в городе Томы к нему обратились послы города Истрии с прошением от имени города к императору, в ответ на которое он и подтверждает старинные привилегии Истрии на ловлю рыбы в устьях Дуная. Эти же привилегии затем подтверждают в ряде писем и следующие за ним легаты Мезии, свидетельствуя тем о вмешательстве римской администрации даже в хозяйственные дела и отношения греческих побережных городов. Другие надписи Истрии свидетельствуют о значительном римском влиянии и на греческую в основе культуру этого города—появляются у ее граждан римские имена, справляется римский праздник *rosalia* и пр.⁶.

В общем в это время начался процесс усиленной романизации нижнего Дуная, который привел к возникновению здесь одного из наиболее ярких очагов римской провинциальной культуры, в известной мере не стертой даже до наших дней (Румыния). По силе и интенсивности романизацию

¹ B. F i l l o w, Die Legionen der Provinz Moesia. «Klio», Beiheft VI, 1906, стр. 8—9.

² CIL, III, 1698, о дороге, которую строили IV Скифский и V Македонский легионы в правление Тиберия. Ibid. ст. 2174—о дорожном строительстве при Клавдии.

³ M o m m s e n, Röm. Gesch., V, стр. 193; V. C h a p o t, Le monde romain. P., 1926, стр. 427.

⁴ V. P á r v a n, в «Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine», т. X, 1923, стр. 43.

⁵ H o n d i u s, SEG I, Fasc. 2, 1924, № 329.

⁶ Ibid., № 330. Cp. S. L a m b r i n o, Histria romaine à la lumière des fouilles, REL, IX, 1931, стр. 77—83.

Мезии иногда сопоставляют с романизацией Галлии и других западных провинций римской державы¹. Даже южная граница этой провинции определялась не по географическому, а по лингвистическому признаку: в Мезии господствовал среди ее населения латинский язык, во Фракии— греческий, и по языку определялась принадлежность того или иного района к одной из этих провинций².

Ряд отрывочных сведений античных писателей, а также значительное число надписей, отчасти известных уже раньше, отчасти открытых в последние десятилетия, позволяют теперь несколько ближе всмотреться в этот процесс романизации Мезии и в приемы ее администрации, что будет иметь существенное значение для характеристики той римской «культуры», которая отсюда распространяется на все северо-западное побережье Понта, включая Херсонес и Таврику.

Во-первых, можно установить, что в связи с новыми широкими задачами, которые получает Мезия в это время, императорскими легатами на этот ответственный пост стали назначаться особенно заслуженные и видные римские деятели. Первым несомненным наместником новой самостоятельной провинции Мезии был в эпоху Клавдия Туллий Гемин (Tullius Geminus)—вероятно, с 48 по 50 г. н. э.³. О деятельности его, впрочем, ничего не известно, кроме его письма гражданам Истрии. Его преемником, повидимому с 50 по 56 или 57 гг., был знаменитый Флавий Сабин (T. Flavius Sabinus), старший брат императора Веспасиана. О семидесятилетней его деятельности в Мезии упоминает Тацит (Hist., III, 75), называя его человеком честным и справедливым, правда, несколько вялым, но во всяком случае выдающимся. Новый материал о его деятельности в Мезии дает открытая V. Pârvan'ом надпись из Истрии. Из последней можно заключить, что наместничество его оставило по себе в провинции хорошую память. Жители Истрии и после ухода его с поста наместника посылали ему благодарственные дары и почетные посольства за справедливое управление и защиту их интересов. Это напоминает те патронатные отношения, в которых отдельные провинции в более раннее время стояли к некоторым высокопоставленным лицам, например, Сицилия по отношению к Метеллам и Цицерону, аллоброги—к Фабрицию Санге⁴. Повидимому, такие же отношения сохранились у Флавия Сабина и к мезийской армии, почему легионы Мезии в 69 г. так решительно стали на сторону Флавиев и своим вмешательством повели к получению этой фамилией императорского сана (T a c., Hist., II, 46, 74, 85; III, 53; S u e t., Vesp., 6).

Более же всего нам известно о деятельности третьего из этих легатов в провинции Мезии, который будет иметь прямое отношение к оккупации римлянами Херсонеса и Таврики,—преемника Флавия Сабина—Тиберия Плавтия Сильвана Элиана. Основной материал дает подробная его эпитафия, сохранившаяся на родовом мавзолее Плавтиев у Ponte Lucano в Тиволи (CIL, XIV, 3608 = D e s s a u, ILS, 986). Если к ней присоединить упоминание о нем Тацита (Hist., IV, 53), две тессеры с его именем (CIL, X, 825 и XIV, 4126), одну греческую надпись из Малой Азии, наконец, его письмо к жителям Истрии из найденной Pârvan'ом пере-

¹ Н и д е р л е, Человечество в доисторические времена. СПб, 1898, стр. 477.

² V. C h a r o t, op. cit., стр. 427. См. также G. S e u r e, RA, 1907 (II), стр. 257 сл.

³ V. P â r v a n («La romanisation aux bouches de Danube» в «Revue belge de philologie et d'histoire», t. IV, 1925, стр. 326) пытается отнести его деятельность к 54 г., против чего основательно возражает Н. D e s s a u, Die Reihenfolge der Statthalter Moesiens in «Jahrb. d. österr. arch. Instituts», XXVIII, 1926, col. 345 сл., как и вообще против всех соображений V. Pârvan'a о последовательности римских наместников в Мезии.

⁴ A p p., Bel. Civ., II, 4: «у каждого государства есть в Риме патрон».

пски легатов Мезии с этим греческим городом¹, то можно собрать весьма подробные данные о всем *cursus honorum* и деятельности этого очень видного государственного человека эпохи Клавдия, Нерона и Веспасиана, в особенности в качестве легата провинции Мезии².

Как можно усмотреть из его надгробной надписи, Тиберий Плавтий Сильван был одним из наиболее близких лиц к императорам Клавдию и Веспасиану. С Клавдием он даже в прямом родстве, так как его сестра была первой женой этого императора. Он уже до командования в Мезии прошел блестящую карьеру, подготовленную ему высоким положением его отца Марка Плавтия Сильвана, бывшего при Августе консулом (2 г. н. э.), проконсулом Азии и имевшего в 10 г. триумф за иллирийскую войну (CIL, XIV, 3605). Сам Тиберий Плавтий Сильван, как видно из надписи, в 35 г. был личным адъютантом Тиберия (*quaestor Tiberii Caesaris*), легатом знаменитого V легиона *Alaudae* (Жаворонка), городским претором *inter cives*, начальником штаба императорской ставки во время похода Клавдия в Британию (*legatus et comes Claudii Caesaris in Britannia*). В 33 года (в 45 г.) он уже достиг должности консула³ и, повидимому через десять лет после этого, в 55—56 гг., занимал в продолжение года чрезвычайно почетный пост проконсула провинции Азии.

Легатом Мезии он был непосредственно после Флавия Сабина, с которым был связан и личными дружескими отношениями⁴. Командовал мезийской армией он в продолжение десяти лет—с 56 по 66 г.; следует, однако, заметить, что эти даты несколько спорны⁵. Управление его Мезией было с римской точки зрения настолько успешным, что он, видимо, навлек на себя подозрения Нерона и попал в опалу, но зато спустя пять лет после сложения должности, уже при Веспасиане, удостоился триумфальных почестей и особого почетного сенатского декрета, составленного из цитат из похвальной речи самого императора, произнесенной по этому поводу⁶.

Такие необычайные отличия объясняются тем, что именно с наместничества Тиберия Плавтия Сильвана в Мезии началась попытка римского наступления в сторону варварского северо-востока, за Дунай и вдоль северного побережья Понта, связанная с одновременным продвижением римского рабовладельческого государства на юго-восток, в сторону Армении и Парфии—так наз. парфянский поход Нерона⁷. Здесь следует обратить внимание на совпадение двух дат: именно, в 54 г. назначен был командиром римской армии в Каппадокии лучший генерал того времени, Корбулон, переброшенный сюда для этого с германской границы, а к началу военных действий, в 56 г., сразу после своего годичного проконсульства в Азии получил назначение командиром Мезийской армии Тиберий Плавтий Сильван. Это тем более многозначительно, что и военные силы обоих полководцев рассматривались римским центральным военным управлением как правый и левый фланги одной и той же восточной армии. Так, для усиления корбулоновской группы в 57 г. из Мезии был переброшен в Каппадокию IV Скифский легион, который с этого времени надолго вошел в состав азиатской армии, а в 62 г. опять-таки из Мезии был снят и отправлен в Азию знаменитый V Македонский легион (T a c., *Ann.*,

¹ H o n d i u s, SEG, I, Fasc. 2, 1924, № 329.

² См. L. H a l k i n. Tib. Plautius Silvanus Aelianus, légat de Mésie sous Néron в «L'Antiquité classique», III, 1934, стр. 121—161.

³ Год датируется по помпейской тессере. CIL, X, 825.

⁴ H o n d i u s, SEG, I, 2, № 329—«Письмо Плавтия Элиана».

⁵ См. L. H a l k i n, op. cit., стр. 140—142. Здесь сведены результаты всей длительной дискуссии по этому вопросу. Я придерживаюсь датировки Dessau.

⁶ F. V o l l m e r, «Rhein. Mus.», B. 53, 1898, стр. 636.

⁷ W e r n e r S c h u r, Die Orientpolitik des Kaiser Nero, «Klio», Beiheft XV, 1923, стр. 6—13.

XIII, 35; XV, 6)¹, прославившийся затем в Иудейской войне и только после ее окончания вновь вернувшийся (в 71 г.) на свою обычную стоянку на нижнем Дунае.

Вот с этим ослабленным левым флангом восточного фронта Т. Плавтий Сильван предпринял одновременное с Корбулоном наступление на северном секторе театра восточной войны. В эпитафии его это передано так: «начинавшееся волнение сарматов он подавил, несмотря на то, что большую часть своего войска (в это время) он отправил в экспедицию против Армении; неведомых раньше или враждебных римскому народу царей он принудил явиться на охраняемое им побережье (*in ripam, quam tuebatur*) в целях воздания почестей римским знаменам; царям бастарнов и роксоланов он возвратил их сыновей, а дакийским (царям)—их брата, взятых в плен или отбитых у врагов; у некоторых из них он взял заложников. Всем этим он и в провинции укрепил мир и расширил его за ее пределы»².

Эту часть надписи следует понимать так: благодаря ряду удачных военных операций против задунайских варварских племен Т. Плавтий Сильван поставил их в вассальные отношения к Риму, т. е. по примеру того, что наблюдаем в истории Фракии и что вообще было системой римской политики на окраинах, создал подготовительную ступень к близкому переходу их на положение римских провинций. Дакия, как известно, такой и стала через 50 лет при Траяне, что же касается областей бастарнов, роксоланов и сарматов, то здесь римское военное командование и римская дипломатия впоследствии не сумели закрепить его успехи. Повидимому, в особо подчиненном Риму положении находились уже сарматы (западные), почему борьба с ними трактуется в эпитафии как подавление начинающегося мятежа. Но в общем, конечно, очень трудно очертить границы и выяснить степень подчинения этой новой этнической клиентелы, созданной Сильваном римскому правительству к северу от Дуная и в степях современной Украины. Видимо, на восток она доходила до самого Днестра, так как то, что происходило «за Днестром» (*ultra Borysthenem*), рассматривается далее в надписи в другой связи.

Второй заслугой Т. Плавтия Сильвана признавалась его энергичная колонизаторская деятельность в собственно Мезии. Об этом достаточно говорит его надпись: «Он переселил в Мезию для уплаты дани более 100 тыс. задунайских (варваров) с женами и детьми, также со старейшинами и царями... Он первый собрал с этой провинции хлебные припасы для римского народа преимущественно пшеницей». На опустошенных землях завоеванных областей шел процесс образования громадных имений римских императоров и их вельмож (*saltus limitanus, saltus translimitanus*), для которых, однако, ввиду истребления или бегства основного населения в первый период оккупации, нехватало рабочих рук. Вот почему в новые провинции в качестве «колонов» или «федератов» охотно принимались целые племена, почему-либо принужденные покинуть свою родину. Так, при Августе было уже поселено во Фракии 50 тыс. гетов (*Strabo*, III, 10), при Клавдии в пределах соседней с Мезией Паннии был поселен со своими сторонниками свергнутый с престола король свевов—

¹ В. Filow («Die Legionen der Provinz Moesia», стр. 8 сл.) доказал, что оба легиона были переведены из Мезии, хотя относительно первого из них Тацит и употребляет выражение «ex Germania».

² «...Motum orientem Sarmatar(um) compressit, quamvis parte(m) magna(m) exercitus ad expeditionem in Armeniam misisset; ignotos ante aut infensos p(opulo) R(omano) reges signa Romana adoraturos in ripam, quam tuebatur, perduxit; regibus Bastarnarum et Roxolanorum filios, Dacorum fratrum (sic!) captos aut hostibus ereptos remisit; ab aliquis eorum obsides accepit; per quem pacem provinciae et confirmavit et protulit».

Ванний (Т а с., *Ann.*, XII, 29—30). Как видно из самого выражения надписи: «для уплаты дани» (*ad praestanda tributa*), такие поселения «федератов» совершались вовсе не для защиты границ, как это обычно объясняется в буржуазной историографии¹, а для эксплуатации их труда в качестве оброчных (*tributum*) арендаторов на таких государственных и частных *saltus*'ах. С подъемом их доходности можно было обратиться к их обложению податью (натуральной) и для посылки анноны «римскому народу». Здесь, как видим, очень ясно вскрывается другой основной и исконный импульс римской завоевательной политики—погоня за невольничьей или полуневольничьей рабочей силой, т. е. стремление к захвату не только накопленных продуктов чужого труда («добычи», *praedium populi Romani*), но и самого трудового населения как создателя новых возможных ценностей.

Таким образом, эта эпитафия Т. Плавтия Сильвана представляет весьма ценный материал для установления целей и методов римской политики в северо-восточной части римской державы и в пограничных с ней областях. То, что делал Плавтий Сильван, в той или иной мере делали и другие легаты Мезии—может быть, не столь удачно и широко, например его преемник Помпоний Пий, легатство которого относится к 67—68 гг. н. э.² Так с половины I в. н. э. Мезия становится вторым путем и даже основным плацдармом, с которого систематически развивается римское наступление далее на северо-восток, и это приводит к постепенному включению в ее территорию Северного Причерноморья и даже к оккупации Римом западного и южного берегов Крыма—Херсонесской области и независимой до тех пор Таврики. Здесь, в Таврике, этот второй, новый путь римского захватнического продвижения на северо-восток должен был сомкнуться с более ранним, первым, понтийско-боспорским, почему и вопрос о господстве над Таврикой становился для Рима в половине I в. н. э. весьма существенной проблемой, несмотря на скромные размеры этой страны.

¹ Например, L. H o m o, *Le Haut-Empire*, 1933 (Glötz), стр. 306: «il (T. Plautius Silvanus) en installa 100 000 comme colons au sud du fleuve et assura ainsi la sécurité du secteur confié a son commandement!» F. F l u s s («Moesia», *RE* в XV, 2, col. 2362) полагает, что Сильван «den Zweck verfolgte, am linken Donauufer eine Art Verteidigungslinie zu schaffen».

² H o n d i u s, *SEG.*, I, 2, № 329.

